№ 9

189

СОЛДАТСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ДАГЕСТАНЪ.

ИЗДАНІЕ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

10-й комплектъ № 189.

Цѣна 5 коп.

Дагестанъ

(ДО ЕГО ПРИСОЕДИНЕНІЯ КЪ РОССІИ).

За горами горы хмарою повиты,
Засѣяны горемъ, кровью политы...

Шевченко.

Дагестанъ — значитъ страна горъ. Такъ называется обширная площадь, заключенная между главнымъ кавказскимъ хребтомъ, отдѣляющимися къ сѣверо-востоку отъ него исполинскими Андійскими горами, рѣкою Сулакъ и Каспійскимъ моремъ. Все это пространство загромождено огромными горными кряжами, безпорядочно переплетенными между собою и

постепенно террасами понижающимися къ Каспійскому морю.

Дагестанъ, какъ по самой природѣ мѣстности, такъ и по населенію, распадается на двѣ главныя части. Изъ нихъ отдаленнѣйшая отъ Каспійскаго моря, та, которая вся сплошь наполнена высочайшими горами, есть Нагорный или Внутренній Дагестанъ, а по самому берегу Каспійскаго моря широкою полосою раскинулся Дагестанъ Прикаспійскій, Прибрежный.

Быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны, которая была бы угрюмѣе, диче, суровѣе и мрачнѣе, и въ то же время величавѣе, чѣмъ Нагорный Дагестанъ или гористыя мѣстности Дагестана Прикаспійскаго. Безплодныя, каменистыя, заоблачныя горы, окрашенныя то въ бурый цвѣтъ съ фіолетовыми оттѣнками, то подернутыя сизоватою дымкою, мшистыя скалы, утесы, нависшіе надъ безднами, шумные каскады, низвергающіеся въ пропасти, бѣшеные потоки и неистово ревущія горныя рѣки—поражаютъ своимъ грознымъ и пустыннымъ величіемъ. Чѣмъ выше поднимаешься на горы, тѣмъ впечатлѣнія становятся суровѣе и могучѣе. Растительность постепенно бѣднѣетъ и, наконецъ, только яркозеленые и красноватые мхи да ягели оживляютъ пустынныя скалы; воздухъ рѣдѣетъ, ускоряя дыханіе и мучительно сжимая сердце. Если появляются облака и скрываютъ солнце—сырость и хо-

лодъ пронизываютъ насквозь, несмотря ни на какую одежду; разорванными клочьями носятся облака надъ головою, обращаясь мало-по-малу въ сплошную черную массу, скрывающую самые близкіе предметы, — и чувство одиночества овладѣваетъ человѣкомъ. Разыгрывается буря. За ослѣпительнымъ блескомъ молніи слѣдуютъ непрерывные удары грома, бурно раскатывающіеся по ущельямъ безчисленнымъ эхомъ; ихъ заглушаетъ ревъ паденія на каменныя громады проливного дождя, вдругъ смѣняющагося то снѣгомъ, то градомъ; внезапно налетѣвшій вихрь срываетъ снѣга съ горныхъ вершинъ и производитъ мятель, среди которой непрестанно гремятъ громы и блистаютъ молніи. И эта грозная и вмѣстѣ очаровательная картина продолжается до тѣхъ поръ, пока снова не выглянетъ солнце и не обольетъ милліонами искръ снѣговыя вершины...

Въ то время, какъ приморскія страны Дагестана были большою дорогою, по которой проникали изъ Азіи наводнявшія Европу воинственныя племена, Дагестанъ Нагорный, закрытый и укрѣпленный своими вѣчными горами, стоялъ недоступный и грозный. Тамъ жило древнее аварское племя, само себя называвшее общимъ именемъ маарулалъ, но сосѣдямъ извѣстное подъ именами то тавлинцевъ, то лезгинъ, слова на разныхъ языкахъ имѣющія одно и то же значеніе—жителей горъ, горцевъ.

Племя это, широкою полосою простираясь черезъ весь Нагорный Дагестанъ, съ сѣвера на югъ, оставляетъ лишь по бокамъ мѣсто обломкамъ какихъ-то другихъ невѣдомыхъ племенъ, съ давнихъ поръ, впрочемъ, подчинившихся его вліянію.

Горы обыкновенно раздѣляютъ страны и людей, въ противоположность соединяющимъ ихъ морямъ. Въ Дагестанѣ каждая мѣстность отдѣлялась одна отъ другой трудно доступными горами, и естественно, что населеніе этой страны съ незапамятныхъ временъ распадалось на множество независимыхъ общинъ, маленькихъ племенъ, изъ которыхъ многія, впрочемъ, впослѣдствіи соединялись между собою въ сильные союзы.

Разсѣянные въ своихъ горахъ и ущельяхъ общины и союзы Дагестана, принадлежавшіе даже одному и тому же племени, нерѣдко отличались другъ отъ друга не только нарѣчіями и обычаями, но даже исповѣданіемъ ислама [1]), господствовавшаго надъ всѣмъ, но получившаго чуть не въ каждой деревнѣ рѣзкіе особенности и оттѣнки, сообразно съ глубоко вкоренившимися въ тамошняго человѣка предразсудками.

Суровая природа горъ наложила однакоже на всѣхъ горцевъ одинаковый отпечатокъ, создавъ оригинальный и яркій типъ дагестанскаго горца и

---

[1]) Магометанская религія.

отразившись на всей его жизни. Въ тяжкой, но привычной борьбѣ съ природою, въ стремленіи покорить ее своей власти, дагестанцы въ своемъ домашнемъ быту не ушли дальше первобытныхъ формъ. Ихъ аулы, какъ воронья гнѣзда, лѣпятся на скалистыхъ утесахъ, часто на такой высотѣ, что, глядя на нихъ, не хочется вѣрить, чтобы это было жилье человѣка; лѣниво, въ крайнемъ неряшествѣ и бѣдности проводитъ тамъ свою жизнь дагестанскій горецъ, довольствуясь скудною пищею и плохою одеждою. Впрочемъ, и сама природа каменистыхъ горъ пріучаетъ его къ умѣренности, потому что пашни въ Нагорномъ Дагестанѣ встрѣчаются рѣдко, да и то небольшими клочками, разбросанными на самыхъ высотахъ неприступныхъ горъ, куда лезгину приходилось взбираться съ помощью веревокъ и крючьевъ, чтобы засѣять горсть ячменя или проса.

Въ видѣ анекдота, отлично характеризующаго величину этихъ пашенъ, разсказываютъ, что одинъ дагестанскій горецъ, работавшій на подобной скалѣ, прилегъ отдохнуть на раскинутой буркѣ, а когда проснулся, то съ удивленіемъ и страхомъ увидѣлъ, что его драгоцѣнная поляна куда-то пропала. Не зная, что подумать о совершившемся чудѣ, и помянувъ недобрымъ словомъ шайтана [1]), суевѣрный

---

[1]) Злой духъ.

горецъ поспѣшно сталъ собираться домой, и когда съ азартомъ и бранью поднялъ съ земли свою бурку, тогда только замѣтилъ, что она-то именно и прикрывала его пахотную землю.

Горецъ, впрочемъ, презиралъ мирный трудъ, и всѣ работы не только домашнія, но и полевыя, лежали большей частью на женщинѣ, судьба которой въ Дагестанѣ, какъ и на всемъ Востокѣ, была жалка и печальна. Одѣтая въ неловкій и неудобный костюмъ, скрывавшій ея красоту и стройность, женщина въ Дагестанѣ являлась существомъ презираемымъ до того, что въ глазахъ лѣниваго горца жена и ишакъ [1]) имѣли почти одинаковую цѣну. Одинъ лезгинъ говорилъ серьезно, что женщина *должна работать больше ишака, потому что* ѣстъ чистый хлѣбъ, тогда какъ ишакъ питается мякиной.

Даже танцы горцевъ совершенно не похожи на бойкую «лезгинку» жителей равнинъ, лишены характеристическихъ чертъ ея—живости и какой-то беззавѣтной отваги. Не блестятъ богатствомъ содержанія и поэзіи также мирныя пѣсни лезгинъ, хотя, впрочемъ, ихъ унылые и монотонные припѣвы и не лишены оригинальной прелести.

Не въ домашнемъ быту и не въ мирныхъ занятіяхъ лежала поэзія жизни горнаго дагестанца.

---

[1]) Оселъ.

Обреченный безплодною природою своихъ горъ на лишенія и скудную бѣдность, онъ ею же часто вынуждался покидать свои скалистыя трущобы съ тѣмъ, чтобы силою взять у сосѣднихъ народовъ то, въ чемъ ему отказывала родная природа, и онъ сумѣлъ развить въ себѣ въ теченіе многихъ поколѣній необыкновенный воинственный духъ и наклонности. Грузія и окрестныя страны часто видали на своихъ земляхъ этихъ горныхъ воителей, проникавшихъ до отдаленныхъ предѣловъ Турціи и Персіи и пользовавшихся славою грозныхъ наѣздниковъ. Страны Приморскаго Дагестана, не разъ трепетали передъ грознымъ именемъ сосѣднихъ горцевъ, и даже самъ непобѣдимый завоеватель Шахъ-Надиръ испыталъ на себѣ всю силу ихъ отваги.

Одинъ видъ дагестанскаго горца уже выдавалъ его воинственныя наклонности. Богатый горецъ былъ всегда обвѣшанъ оружіемъ, блестѣвшимъ серебромъ и золотой кубачинской насѣчкой, одѣтъ въ дорогой лезгинскій нарядъ, приближавшійся ближе къ персидскому, нежели къ черкесскому: чоха съ длинными, откидными рукавами, обложенная по краямъ широкимъ серебрянымъ галуномъ, шелковый архалукъ, такія же шаровары, сапоги съ большими загнутыми носками, на головѣ—черная остроконечная баранья шапка, за спиной—косматая бѣлая бурка. Если ко всему этому онъ сидѣлъ на добромъ конѣ персидской породы, то поистинѣ нельзя

было не любоваться его воинственною фигурою. Многіе лезгины надѣвали при этомъ кольчуги со стальными поручами и шишаки съ красными лепестками сукна вмѣсто перьевъ, и тогда они напоминали собою средневѣковыхъ рыцарей. Но этотъ костюмъ носился ими только въ торжественныхъ случаяхъ; собираясь же въ походъ или въ домашнемъ быту лезгины одѣвали просто черкеску, общую всѣмъ обитателямъ Кавказа, а многія племена совсѣмъ не носили шашекъ, замѣняя ихъ кинжалами громадной величины, извѣстными подъ именемъ «тавлинскихъ».

Суровый, воспитанный среди опасностей горецъ зналъ себѣ цѣну, и потому во всѣхъ его движеніяхъ проглядывали гордость и глубокое сознаніе собственнаго достоинства. Все, чѣмъ красна была жизнь, слагалось для него въ одно военныя тревоги, и если наступали совсѣмъ мирныя времена, онъ цѣлые дни проводилъ въ совершенномъ бездѣйствіи, и скука одолѣвала его тогда до одурѣнія. Но лишь повѣетъ войной—и онъ встрепенется, какъ расправляющій крылья орелъ. Приготовленія къ набѣгамъ были для городской молодежи минутами, полными поэтическихъ увлеченій, радужныхъ мечтаній, яркихъ надеждъ, таинственной заманчивости неизвѣстнаго будущаго. И въ самомъ дѣлѣ, два-три дня набѣга и до того безвѣстный юноша могъ воротиться героемъ, богачомъ, человѣкомъ

вліятельнымъ, идоломъ красавицъ-горянокъ... И вотъ, при одномъ словѣ «сборъ» извилистыя, кривыя улицы лезгинскаго селенія мгновенно наполнялись толпами вооруженнаго народа. На открытомъ воздухѣ жарился шашлыкъ, приготовлялись хинкалы, другіе чистили ружье, иные были уже верхомъ или бродили вокругъ своихъ осѣдланныхъ коней. Боевая одежда ихъ не отличалась ни красотою, ни опрятностью, но зато каждый оборванный горецъ, сложивъ накрестъ руки или взявшись за рукоять кинжала, или, наконецъ, опершись на винтовку, смотрѣлъ такъ величаво и гордо, какъ будто бы былъ властелиномъ вселенной, попираемой его сафьянными чевяками.

Справедливость требуетъ однако сказать, что по самымъ условіямъ мѣстности, среди которой они росли, горцы должны были уступать собственно въ наѣздничествѣ остальнымъ племенамъ Кавказа. Какое наѣздничество возможно было тамъ, гдѣ справа терлось плечо объ отвѣсную скалу, а слѣва, подъ самымъ стременемъ, зіяла бездонная пропасть! Зато военныя соображенія лезгинъ были всегда дальновидны, здравы и основаны на знаніи мѣстности и обстоятельствъ. Въ этомъ отношеніи они далеко превосходили своихъ сосѣдей чеченцевъ. Всѣ крупныя историческія событія Кавказа начинались въ горахъ и лучшіе предводители горцевъ: Гамзатъ-Бекъ, Шамиль, Хаджи-Муратъ, Кибитъ-Магома—

были уроженцами Нагорнаго Дагестана. И если чеченцы умѣли также искусно пользоваться мѣстностью, то лезгины неизмѣримо превосходили ихъ въ искусствѣ укрѣпляться, которое доведено было у нихъ до совершенства. Насколько чеченцы были отважны и дерзки, настолько же лезгины были рѣшительны и стойки—качества, недостававшія первымъ. Чеченцы были склонны преимущественно къ войнѣ наѣзднической: дагестанцы, наоборотъ, если вели войну, то имѣли всегда положительныя и вѣрныя цѣли; набѣги же, о которыхъ сказано выше, служили только забавою и военною школою для молодежи,—осѣкомъ, на которомъ пробовалась храбрость каждаго изъ нихъ; но они никогда не пріобрѣтали серьезнаго значенія. Народъ поднимался только тогда, когда предстояла нужда завоеванія, и особенно, когда ему угрожало вражеское нашествіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ природа являлась грозною союзницею горцевъ и самые аулы ихъ представляли непреодолимыя твердыни, брать которыя съ бою было дѣломъ отчаяннымъ, допускавшимся лишь въ исключительныхъ и особенно важныхъ для края обстоятельствахъ. Аулы лезгинъ строились всегда на трудно доступной мѣстности, и, чтобы добраться до нихъ, надо было или карабкаться по отвѣснымъ тропамъ подъ градомъ пуль и огромныхъ каменьевъ, сбрасываемыхъ со скалъ, или, напротивъ, спускаться въ бездонныя пропасти, лѣпясь

по карнизамъ или по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ, висѣвшей надъ бездною въ тысячи футовъ глубиною. Впослѣдствіи, чтобы открыть свободный доступъ къ нѣкоторымъ селеніямъ горцевъ и проложить военныя дороги, русскимъ приходилось взрывать цѣлые утесы въ такихъ мѣстахъ, которыя не представляли даже точки опоры для ноги человѣка. Самыя сакли въ аулахъ помѣщались тѣсно, бокъ-о-бокъ одна съ другою, чтобы, въ случаѣ надобности, черезъ проломъ въ стѣнѣ можно было переходить изъ одного помѣщенія въ другое. Для удобства защиты, сакли нерѣдко располагались въ нѣсколько ярусовъ, доставлявшихъ другъ другу взаимную оборону. Такимъ образомъ, даже ворвавшись *въ аулъ, приходилось брать штурмомъ* каждую отдѣльную саклю, а каменная сакля лезгина представляла видъ небольшой крѣпостцы, обнесенной стѣнами съ бойницами и башнями. Понятно, что потери при взятіи дагестанскихъ ауловъ должны были быть громадны. Зато, впрочемъ, и взятый съ бою аулъ, преданный огню и превращенный въ груду мусора, дѣлалъ обитателей его нищими въ полномъ значеніи этого слова.

Какъ у всѣхъ истинно-воинственныхъ народовъ, павшіе въ бою джигиты пріобрѣтали въ глазахъ правовѣрныхъ *священное значеніе*, и надъ ихъ могилами водружались особыя знамена, такія же, какъ и въ Чечнѣ, и въ Кабардѣ и въ Закубаньи.

И здѣсь ихъ было не меньше, потому что дагестанскіе горцы ничего не страшились такъ, какъ смерти безъ погребенія, и потому во время сраженій оказывали чудеса храбрости, чтобы вынести изъ боя тѣла своихъ павшихъ товарищей. Ничто не огорчало ихъ такъ, какъ обезглавленный трупъ горца, и они рѣшались на всякія жертвы, чтобы только выручить голову земляка и предать ее честному погребенію на родномъ кладбищѣ.

Въ Дагестанѣ есть много разсказовъ свидѣтельствующихъ не только о богатствѣ народной фантазіи, но и о пламенной любви дагестанцевъ къ ихъ бѣдной и суровой родинѣ. Народъ помнитъ, какъ на его свободу посягалъ великій завоеватель Шахъ-Надиръ, и съ понятною гордостью занесъ въ свои сказанія побѣду надъ этимъ непобѣдимымъ государемъ Персіи. И въ долгіе зимніе вечера, когда глубокій снѣгъ и вьюга не выпускаютъ горца изъ сакли, молодое поколѣніе, слушая передъ домашнимъ очагомъ разсказы старины, воспринимаетъ память о доблестной защитѣ отечества, какъ лучшее наслѣдіе предковъ. Съ однимъ изъ сказаній о вторженіи въ Дагестанъ Шахъ-Надира связывается, между прочимъ, преданіе о злополучномъ Шахъ-Манѣ, которое отразило на себѣ слѣды страшной и упорной борьбы народа за старину противъ попытокъ новшества, сказаніе это заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

Долгое время—говоритъ преданіе—среди дагестанцевъ не было человѣка, который бы силой своего ума, энергіи и воли сплотилъ народъ воедино, обуздалъ его дикій характеръ и водворилъ въ странѣ порядокъ и устройство. Наконецъ, въ половинѣ минувшаго вѣка, такой человѣкъ явился въ лицѣ Шахъ-Мана, одного изъ владѣльцевъ, пылкаго, предпріимчиваго, одареннаго всѣми качествами, чтобы осчастливить свою родину благодѣтельными реформами. Но какая-то неблагопріятная звѣзда взошла надъ колыбелью этого владѣльца въ самый часъ его рожденія; какія-то темныя, враждебныя силы противодѣйствовали всѣмъ его добрымъ намѣреніямъ и, заставляя дѣлать зло, отравляли жизнь его всевозможными бѣдствіями. Весь преданный мысли составить счастье своему народу, онъ задался несбыточными мечтами пересоздать общественный строй Дагестана, смягчить неукротимые нравы своихъ одноземцевъ и обратить ихъ силы и энергію на мирный трудъ земледѣлія, въ которомъ видѣлъ залогъ благоденствія, осѣдлости и гражданскаго устройства. Но мирная жизнь не могла удовлетворить дагестанцевъ. Началась глухая подпольная борьба между нимъ и подданными, и эта борьба разрѣшилась наконецъ открытымъ возмущеніемъ, во главѣ котораго стали собственные его сыновья.

Однажды, въ праздникъ Байрама, когда Шахъ-Манъ сидѣлъ съ своими нукерами за трапезой,

толпа бунтовщиковъ ворвалась въ его домъ и потребовала, чтобы онъ оставилъ страну, угрожая въ противномъ случаѣ «судомъ кинжаловъ».

Несчастный преобразователь всталъ изъ-за стола, надѣлъ полное вооруженіе и приказалъ подать себѣ боевого коня. Мрачныя чувства наполняли его душу,—грозный и суровый явился онъ передъ толпою, осудившей его на изгнаніе.

— «Неблагодарные! сказалъ онъ народу, — и взоръ его блеснулъ негодованіемъ:—не я ли хотѣлъ устроить ваше благоденствіе? Не я ли указалъ вамъ на лучшую жизнь? Чѣмъ же вы отблагодарили меня? Мое сердце и душа чисты передъ Аллахомъ и святымъ судомъ его; но вы какой отвѣтъ дадите ему въ страшный часъ смерти?» Взоръ Шахъ-Мана остановился на сыновьяхъ, виновникахъ постигшаго его несчастія.

— «Не укроетесь вы отъ моего мщенія, — сказалъ онъ имъ:—какъ не укроетесь отъ праведнаго суда Божія! Прощай, страна неблагодарныхъ! Ты вооружила сыновей противъ отца, и раздраженный отецъ удаляется съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе отомстить тебѣ!»

Проѣзжая чужія владѣнія, Шахъ-Манъ всюду встрѣчалъ привѣтъ и радушіе. Сосѣди, уважая умъ и храбрость его, предлагали ему свою помощь, и сотни отважныхъ наѣздниковъ окружали дагестанскаго витязя. Но Шахъ-Манъ не довольствовался этимъ: онъ ѣхалъ искать покровительства Персіи.

Тихо прошли три года со времени изгнанія Шахъ-Мана. Дагестанцы забыли уже объ его угрозахъ, какъ вдругъ пропеслась громовая вѣсть, что въ Дагестанъ вошли персіяне. То были передовые полки грознаго завоевателя Шахъ-Надира; съ ними былъ и Шахъ-Манъ.

Въ Чиръ-Виніатѣ произошла первая битва. Персіяне, предводимые братомъ шаха, Курбаномъ, были разбиты наголову; при второмъ пораженіи самъ Курбанъ захваченъ былъ въ плѣнъ, и озлобленные дагестанцы сожгли его живымъ, а прахъ черезъ плѣннаго персіянина отослали къ шаху. Тогда Шахъ-Надиръ поклялся выстроить на мѣстѣ сожженія Курбана памятникъ изъ дагестанскихъ головъ,—и сдержалъ свою клятву.

Три дня бились дагестанцы съ персіянами, и побѣда долго не склонялась ни на ту, ни на другую сторону; на четвертый дагестанцы были побѣждены, и едва только третья часть ихъ спаслась бѣгствомъ. Надъ могилою брата Надиръ, дѣйствительно, воздвигъ курганъ изъ камней и человѣческихъ головъ. И этотъ курганъ, развалины котораго существуютъ еще и понынѣ, служитъ нѣмымъ историческимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о жестокой мстительности шаха надъ побѣжденными народами.

Но ни честолюбіе Надира, ни мщеніе Шахъ-Мана не могли довольствоваться только однимъ по-

раженіемъ дагестанцевъ. Шаху нужна была покорность страны; Шахъ-Ману—ея разореніе. И вотъ, дождавшись новыхъ несмѣтныхъ подкрѣпленій, прибывшихъ изъ Персіи, Надиръ, не встрѣчая уже нигдѣ сопротивленія, двинулся дальше, дошелъ до Казикумыкскаго ханства, разбилъ его защитниковъ, — и теперь ему оставалось только покорить небольшое племя андаляльцевъ, чтобы считать себя повелителемъ всего Дагестана. Но горсть отважныхъ андаляльцевъ укрѣпилась въ непроходимыхъ горахъ Обохскихъ и смѣло ожидала къ себѣ непріятеля. Враги встрѣтились въ глубокой долинѣ, омываемой пѣнистымъ Орда-Оромъ.

На Чохскомъ спускѣ—разсказываетъ одна дагестанская пѣсня—Шахъ-Надиръ, увидѣвъ подходившихъ андаляльцевъ, воскликнулъ: «Что это за мыши лѣзутъ на моихъ котовъ?» Тогда предводитель андаляльцевъ, Муртазали, отвѣчалъ покорителю Индустана: «Подлый шіитъ! разгляди хорошенько своихъ куропатокъ и моихъ орловъ, твоихъ голубей и моихъ соколовъ!»—Завязалась страшная битва. На сторонѣ персіянъ была громадная численная сила; на сторонѣ андаляльцевъ — правда и мужество. Шахъ выдвигалъ все новые и новые полки, а андаляльцамъ нечѣмъ было смѣнить своихъ уставшихъ воиновъ, — и мужество уступало силѣ. Андаляльцы уже колебались, уже персіяне торжествовали побѣду, когда внезапно, въ сторонѣ,

заглушая шумъ битвы, раздался изступленный крикъ, заставившій смутиться побѣдителей. Это было послѣднее подкрѣпленіе андаляльцевъ, состоявшее изъ женщинъ и стариковъ, остававшихся дома. Съ дикою яростью устремились робкія женщины на пришельцевъ, и на ихъ обнаженныхъ шашкахъ ярко отразились послѣдніе лучи заходящаго солнца. Орда-Оръ кровавыми пѣнистыми волнами катился въ утесистыхъ своихъ берегахъ и разносилъ по окрестнымъ горамъ вѣсть о гибели храбрыхъ мусульманокъ. Отчаянно бились андаляльцы и жены ихъ и дѣти, отстаивая свободу родины. Ночь разлучила враговъ. Но андаляльцы остались при твердомъ рѣшеніи или пасть всѣмъ до послѣдняго человѣка, или выгнать персіянъ изъ Дагестана. Въ наступившее утро, чтобы лучше обмануть непріятеля, мужчины одѣлись въ женское платье, а женщины въ мужское, въ томъ расчетѣ, что персіяне прежде всего устремятся на женщинъ. Впереди всѣхъ шли двое муллъ; одинъ несъ коранъ, другой — знамя Суни. И когда обѣ стороны сблизились, андаляльскій мулла открылъ коранъ и прочелъ стихъ: «Двери рая открыты для падшихъ за родину». Андаляльцы съ яростью бросились на персіянъ, — и на этотъ разъ сила уступила передъ мужествомъ. Началось нещадное истребленіе ненавистныхъ персовъ. Напрасно набожный мулла просилъ своихъ единовѣрцевъ щадить побѣжденнаго непріятеля; его

могилѣ этихъ чудовищъ!» — онъ указалъ рукою на своихъ сыновей.

Взволнованный народъ бросился на него съ кинжалами.

Онъ палъ. Но дагестанцы исполнили также и послѣднюю волю злосчастнаго хана: неблагодарные сыновья были заколоты на его могилѣ.

На почвѣ дикой воинственности возникали и въ мирномъ быту дагестанцевъ суровые, страшные нравы и отношенія. Какъ всѣ кавказскіе народы, лезгины признавали священнымъ обычай кровомщенія; но у нихъ онъ принималъ исключительные, чудовищные размѣры. Вотъ что разсказывалъ по этому поводу самъ Шамиль уже въ то время, когда послѣ полнаго покоренія Кавказа онъ жилъ въ Калугѣ.

Лѣтъ за триста до нашего времени, житель одного аула, по имени Омаръ, укралъ у сосѣда своего, Юсуфа, курицу — и поплатился за нее бараномъ. Находя, что сосѣдъ взялъ слишкомъ большіе проценты, и не желая оставаться въ долгу, Омаръ отнялъ у него, для уравненія счетовъ, двухъ барановъ. Тогда Юсуфъ, въ свою очередь, счелъ нужнымъ соблюсти справедливость и отбилъ у Омара корову. Корова стоила ему пару добрыхъ быковъ. Въ возмездіе за это олицетвореніе богатства горскихъ народовъ, Юсуфъ подкараулилъ Омарова жеребца и обратилъ его въ собственность.

«Съ дикою яростью устремились робкія женщины на пришельцевъ...» (стр. 17).

Хорошій конь цѣнится горцами Восточнаго Кавказа несравненно дороже, чѣмъ горцы Кавказа Западнаго цѣнятъ своихъ дочерей, а потому, для возмѣщенія своихъ убытковъ, Омаръ убилъ самого Юсуфа, вскочилъ на милаго своего жеребца и скрылся изъ родины.

Тогда ближайшіе родственники Юсуфа, обязанные по обычаю отмстить за кровь его, явились къ дому Омара и общими силами разрушили его до основанія. Убѣдившись однако, что самъ хозяинъ дома неизвѣстно куда бѣжалъ, они подкараулили какого-то дальняго родственника Омара, попавшагося имъ на глаза прежде другихъ,—и убили его. Родственники этого родственника, находя, что въ убійствѣ Юсуфа онъ былъ лицомъ совсѣмъ посторонняго вѣдомства, убили одного изъ родственниковъ Юсуфа. Эти послѣдніе убили двухъ родственниковъ Омара—и вотъ кровомщеніе, или, какъ русскіе привыкли называть его — «канлы», проявилось во всей своей силѣ. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго — кровомщеніе въ Дагестанѣ дѣло слишкомъ обычное. Но невозможно не ужаснуться, узнавъ, что кровомщеніе за Юсуфа, начавшееся триста лѣтъ назадъ, продолжалось еще при Шамилѣ. Триста лѣтъ людская кровь лилась изъ-за курицы.

Такой порядокъ дѣлъ обѣщалъ продолжаться безконечно. Поколѣнія, возросшія въ такихъ понятіяхъ и при такой окружающей жизни, гдѣ кровь

никто не слушалъ: смерть, и смерть самая страшная, постигла большую часть незваныхъ гостей. Шахъ-Надиръ лишь съ нѣсколькими тѣлохранителями ускакалъ въ Дербентъ; Шахъ-Манъ скрылся въ сосѣднія горы.

Исторія говоритъ, что эта кровавая битва произошла въ 1742 году подъ андаляльскимъ ауломъ Чохомъ.

Тяжело было состояніе души Шахъ-Мана, убитаго горестью, терзаемаго угрызеніемъ совѣсти. Смотря на разореніе несчастной родины, онъ сознавалъ, что виновникомъ вражескаго нашествія былъ онъ одинъ, и жизнь стала для него тягостною. Видя въ роковыхъ, совершившихся событіяхъ предопредѣленіе судьбы, онъ рѣшилъ окончить жизнь свою тамъ, гдѣ ее началъ, и самъ отдался въ руки своихъ соотечественниковъ.

Былъ праздникъ. Дагестанцы толпою выходили изъ мечети, когда Шахъ-Манъ верхомъ и въ полномъ вооруженіи явился передъ ними.

— «Правовѣрные!—сказалъ онъ имъ: вы были несправедливы ко мнѣ, и я далъ клятву отомстить вамъ. Но Аллаху не угодно было, чтобы я ее исполнилъ. Я пришелъ умереть отъ вашихъ рукъ. Но если въ сердцахъ вашихъ есть еще чувство справедливости, если вы еще боитесь гнѣва Аллаха, то его именемъ повелѣваю вамъ казнить на моей

считалась ни во что, и жизнь человѣческая цѣнилась дешевле цыпленка, смѣнялись такими же поколѣніями, пока въ лицѣ русскихъ не появилась цивилизующая, посторонняя сила, опрокинувшая ихъ кровавый бытъ. Но даже и теперь, долго спустя послѣ покоренія Кавказа, среди горъ можно встрѣтить стараго джигита, который съ презрѣніемъ смотритъ на новыхъ людей и на новые порядки и вздыхаетъ по старымъ временамъ, когда «совѣсть была, и потому соблюдался обычай мести». — «У васъ, теперешнихъ—скажетъ вамъ этотъ представитель отживающихъ поколѣній: — руки сильныя, да души воробьиныя... Развѣ подобаетъ мужу крови бояться?.. Эхъ, было время!»...

В. Потто.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 августа 1899 года.

Типографія Трепке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

СОЛДАТСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ВОЕННО-НРАВСТВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.—К. В. ТХОРЖЕВСКАГО.

1-й комплектъ (3 изданіе)

		к.
1	Царская награда	4
2	По-Суворовски	5
3	Два солдата	5
4	Сонъ	7
5	Дикій человѣкъ	4
6	Надежные солдаты	4
7	Кто?	5
8	Пить до дна—не вид. добра	4
9	Двумъ смертямъ не бывать	4
10	Геройская смерть	4
11	На тигровъ	4
12	Конвойный	4
13	Чужое добро	4
14	Медвѣдь	3
15	Самозванный генералъ	3
16	Персидская шаль	4
17	За Богомъ молитва	6
18	Въ плѣну	10
19	Солдатъ	4
20	Награда	4

2-й комплектъ (3 изданіе)

		к.
21	Счастливецъ	3
22	Галей Хузинъ	2
23	Какъ Кошкинъ получ. крестъ	3
24	Береги лобъ	4
25	Прыжокъ по царскому пов.	3
26	Нѣтъ худа безъ добра	5
27	Ротная собака	5
28	Все отъ Бога	3
29	Случай въ набѣгѣ	4
30	Драгунъ и чортъ	4
31	Музюрбайка	3
32	Свѣтъ не безъ добр. людей	6
33	Полоса	6
34	Лихая атака	4
35	Двадцать пять рублей	9
36	Хорошій денщикъ	4
37	Солдатское горе	5
38	Сиротка	7
39	На мирныхъ квартирахъ	8
40	На войнѣ, ком. въ 2-хъ д.	16

3-й комплектъ (1 изданіе)

		к.
41	Ночная атака	7
42	Солдатскій праздникъ	7
43	Съ охотниками въ набѣгъ	5
44	Завтракъ подъ пулями	4
45	Генералъ Кукушкинъ	2
46	Первая смерть	4
47	На медвѣдя	4
48	Смѣлымъ Богъ владѣетъ	5
49	Самоваръ турки украли	3
50	Что посѣешь, то и пожнешь	4
51	Кавалеръ	19
52	Съ неба свалилось	3
53	Лайка	3
54	Изъ былого	3
55	На ловлю за турками	3
56	Историческій разсказъ	9
57	Красавецъ солдатъ	4
58	Бабушка Арина	8
59	Богъ не безъ милости	4
60	Рождественская ночь	4

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ, т. е. по 20 разсказовъ вмѣстѣ:

1-й вмѣсто 92 к. . **90** к. съ пересылкой **1** р. **10** к. — **2**-й вмѣсто **1** р. **04** к. . **1** р. съ пересылкой **1** р. **20** к. — **3**-й вмѣсто **1** р. **05** к. . **1** р. съ пересылкой **1** р. **20** к.

10 одинаковыхъ комплектовъ каждаго разсказа. 1-й вмѣсто 9 р. 8 р. съ пер. 2-й вмѣсто 10 р. 9 р. съ пер. 3-й вмѣсто 10 р. 9 р. съ пер.

ИЗДАНІЕ книжнаго склада В. А. Березовскаго С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Колокольная, № 14.